

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

В 1970 г. Международный комитет славистов учредил Международную комиссию по славянским литературным языкам (МКСЛЯ), в задачу которой входят координация изучения славянских литературных языков в отдельных славянских странах и дальнейшая разработка теории их описания. В состав МКСЛЯ входят проф. А. Едличка (Прага) — председатель, проф. Э. Паулини (Братислава), акад. Б. Гавранек (Прага), проф. Вл. Барнет (Прага) — секретарь, чл.-корр. АН СССР Ф. П. Филин (Москва), акад. АН СССР И. К. Белодед (Киев), проф. А. И. Журавский (Минск), проф. Ст. Урбанчик (Краков), доц. Д. Буттлер (Варшава), проф. Л. Андрейчин (София), акад. Б. Конески (Скопье), акад. Л. Йонке (Загреб), проф. Й. Топоришч (Люблина), проф. А. Младенович (Нови Сад), д-р Г. Фаска (Будышин), проф. Р. Аут (Оксфорд) и проф. Г. Хютль-Ворт (Вена). С 15 по 17 сентября 1971 г. на философском факультете университета им. Я. А. Коменского в Братиславе состоялось первое заседание МКСЛЯ.

А. Едличка в докладе «Современное состояние и задачи изучения литературных языков» затронул наиболее существенные проблемы современной теории литературных языков. Он показал, что предмет ее расширяется; в настоящее время в качестве самостоятельных дисциплин выделяются история литературных языков, сопоставительное и типологическое исследование литературных языков. В докладе освещались вопросы границ литературного языка, включающего и письменную и устно-разговорную форму, общая проблематика нормы и ее вариативности, а также общие вопросы языковой культуры. Согласно традициям пражской школы, к этому кругу проблем относится также систематика и классификация функциональных стилей и изучение их роли в становлении и изменении нормы. Особенно актуальными в настоящее время следует считать вопро-

сы отношений литературного языка и нелитературных форм и прежде всего характера и состава переходного образования между литературным языком и диалектами. Большое внимание в докладе было уделено понятию языковой ситуации. А. Едличка остановился на некоторых явлениях, подлежащих изучению при сопоставительном исследовании славянских литературных языков, в особенности на современных процессах (универбизация, мультивербизация, компактное и некомпактное строение предложения и т. п.).

Председатель словацкой комиссии Э. Паулини в докладе «Проблемы сравнительного изучения развития славянских литературных языков» обратил преимущественное внимание на задачи, связанные с изучением общих моментов их развития на современном этапе, их членения и литературных средств выражения. Каждая общественная формация вырабатывает специфические формы, обеспечивающие общение членов коллектива и специфические условия для активного и пассивного участия членов данного общества в этом общении. Весьма сложная ситуация наблюдается при сопоставительном изучении языков в период феодализма. Однако и здесь имеются вполне определенные общие черты, такие, как, например, принятие христианства, влияние старославянского языка, определенно вырисовывающаяся схематизация развития феодализма и т. п. Историческая реализация задач коммуникации в отдельных общественных формациях может служить надежным критерием исследования развития литературных языков с функциональной точки зрения.

При обсуждении тематического цикла, связанного с рассмотрением теоретических вопросов изучения литературного языка, было прослушано четыре доклада. В докладе Вл. Барнета «Социалистический статус повседневно-устной речи» были показаны возможности определения понятия «повседневно-устная речь» путем использования теории социальной коммуникации. Наряду с по-

иятиями групповой и массовой коммуникации было предложено ввести понятие междигрупповой коммуникации, которая формируется на определенной стадии развития современного общества в результате территориальной и социальной мобильности членов общества. Докладчик указал и на психологические факторы формирования языковых разновидностей, выполняющих функцию повседневной устной речи. На примере чешских, русских и хорватских языковых отношений было показано, что функции повседневной устной речи могут выполнять языковые разновидности разного структурного характера.

М. Е л и н е к в докладе «О норме и пуристических тенденциях в кодификации» попытался с функциональной точки зрения выявить критерии периодизации пуристических устремлений в чешской языковой практике. Он напомнил показательный пример Пражского лингвистического кружка, который в ответ на пуристическую критику выработал теорию языковой культуры в кодификации.

И. М и с т р и к в докладе «Факторы стилистической дифференциации в славянских языках» осветил прежде всего флюктуацию заимствованных элементов при стилистической дифференциации славянских языков, факты выработки новых стилевых приемов выражения и удельный вес средств массовой коммуникации в стилистической дифференциации.

Г. Г о р а к в докладе о «Проблемах народности литературного языка» попытался разграничить понятия «народный язык» и «разговорный стиль», с одной стороны, и «диалект» — с другой. На словацких примерах Г. Горак показал пути вхождения этих элементов в отдельные функциональные стили.

В дискуссии по этому кругу вопросов Вл. Барнет обратил внимание на необходимость изучать повседневную устную речь не только в функциональном, но и в структурном плане. В связи с понятием «вариант литературного языка» было высказано мнение о необходимости разграничивать вариантные средства в пределах нормы и варианты разновидности в пределах национального языка (А. Едличка, Д. Брозович). Живую дискуссию вызвал доклад М. Елинека о пуризме. Были попытки более широкого определения пуризма, исключающего отрицательно-оценочный смысл (Д. Брозович). В пользу исключения отрицательного смысла высказался и К. Горалек; он указал на то, что в основаниях пуризма имеется и представление об идеальном языке, о системном гомоморфизме. А. Едличка предложил определить пуризм на базе социального рассмотрения языка. Б. Гавранек обратил внимание на необходимость иметь в виду разный характер пуризма в разных языках и в разные эпохи.

Предметом дискуссии была и общая проблематика нормы — ее понимание в Пражском лингвистическом кружке и у Э. Косериу и критерии литературности (Я. Горещкий, Д. Брозович, Я. Хлоупек, А. Едличка).

При обсуждении вопроса о социальных факторах Вл. Барнет обратил внимание на важность понятия языковой ситуации, предложенного А. Едличкой. Б. Гавранек подчеркнул, что методами и приемами социологии в лингвистических исследованиях следует пользоваться с большой осторожностью, поскольку проблематика социологии весьма раздроблена и еще не стабилизирована.

С обсуждением другого тематического цикла, связанного с проблематикой современных славянских литературных языков и их культур, был связан доклад Д. Б р о з о в и ч а «Специфические черты языковой нормы в славянских языках». В этом докладе говорилось о конститутивных чертах нормы и об общих условиях их формирования. Норма свойственна конкретным языковым формациям. Неконкретные формации нормы не имеют. Нормативность является отличительным признаком стандартных образований. Характер нормы зависит от 1) преднормативного состояния формации, 2) характера диалектной основы литературного языка, 3) того, кто осуществляет нормализаторскую деятельность и является носителем нормированной речи, 4) степени включения вариантов в норму.

«Проблематике современного словацкого языка» посвятил свой доклад Й. Р у ж и ч к а. Он перечислил широкий диапазон вопросов, решение которых все еще остается для словацких языковедов насущной необходимостью. Б. У р б а н ч и ч, выступая по докладу Д. Брозовича, остановился на вопросах нормализации современного словенского литературного языка на примере употребления плюсквамперфекта. Шт. П е д я р в докладе «Аспекты кодификации словацкого языка» говорил как в общем плане, так и с привлечением фактов языковой ситуации в Словакии, о некоторых вопросах кодификации как основного фактора языковой культуры.

В докладе Л. А н д р е й ч и н а «Диалектная база современного литературного болгарского языка» была освещена роль местных культурных центров, в особенности Тырновского, в процессе складывания унифицирующих тенденций, способствовавших формированию наддиалектного характера болгарского литературного языка.

Я. Х л о у п е к в докладе «Устная и письменная формы как основные стилеобразующие факторы» остановился на динамике этих форм в последнее время, особенно на том, как проявляется письменная форма в современной художественной литературе.

венной литературе. Письменная форма раньше была основным фактором; в настоящее же время в связи с широким распространением средств массовой коммуникации (использующих прежде всего устную форму) соотношение факторов письменной и устной форм изменяется.

Выступления в дискуссии касались вопросов нормы, а именно различия между нормой формальной (кодифицированной) и неформальной (узуальной) (Вл. Барнет), удовлетворительности орфографии (А. Едличка), разных аспектов нормы с точки зрения ее центра и периферии и с точки зрения периода узаконения нормы (М. Елинек). Б. Гавранек указал на необходимость различать норму в литературном языке с центральным типом развития и в литературном языке полицентрического типа.

Тематический цикл, посвященный сравнительному изучению литературных языков, открылся докладом Р. Аути «Проблемы и перспективы изучения славянских литературных языков средней Европы». В нем были оценены имеющиеся исследования и намечена перспектива дальнейших работ. Докладчик подчеркнул, что необходимо упорядочить терминологию для разных периодов развития (ср. непригодность термина «стандартный язык» для старших эпох), создать описание отдельных языков и показать роль в языковом развитии наиболее крупных художников слова. Следует заняться также сопоставительным или типологическим изучением литературных языков определенного ареала, например приднестровского. Из общих вопросов необходимо уделять внимание выбору диалектной основы, роли отдельных деятелей и главного центра, вопросу пуризма и т. д.

О возможностях сравнительного изучения словарного состава с исторической и методологической точек зрения говорил В. Бланар. Он подчеркнул важность исследования типов лексикализованных семантических изменений в связи с потребностями выражения у отдельных языковых коллективов.

Б. Гавранек в докладе «О сопоставительном изучении истории славянских литературных языков» показал, что пражская школа в 30-х годах не рассматривала теорию литературных языков как нечто готовое. Позднейшее развитие показало необходимость полнее изучать репрезентативную функцию и эмоциональность языка. В докладе были намечены области, в которых сопоставительное изучение литературных языков может оказать наиболее эффективное. Так, например, в области изучения лексического состава можно исследовать словообразование, в особенности степень использования отдельных словообразовательных типов. При изучении звуковой стороны привлекает внимание соотношение фонологии и графематики, в морфологии пред-

метом исследования может быть мера архаичности морфологии или однозначность морфологической формы в синтаксической системе. В области синтаксиса сопоставительное изучение может касаться принципов организации предложения, проблемы функционирования порядка слов, роли отдельных моделей предложения в процессе коммуникации и под. Дальнейшей разработки требует соотношение письменного и устного речевого плана в рамках литературных языков и отношение литературного языка к сфере повседневной устной речи.

Б. Гавранек изложил также свои соображения по поставленным докладам. По его мнению, углублению теории литературных языков должна способствовать разработка вопросов эмоционального плана языка, где следует учитывать наличие двух участников коммуникации — говорящего и слушающего.

В докладе В. Будовичевой «Контактирование литературных языков» общее положение о прямом и непрямом контакте и его специфических проявлениях при межъязыковой коммуникации раскрывалось на примере чешско-словацкой языковой ситуации.

Э. Йона в докладе «К становлению нормы литературного языка» выдвинул требование различения понятий складывания литературного языка и выработки нормы и на примере словацкого языка показал сложность образования нормы литературного языка.

В прениях участники приводили конкретные факты из истории формирования словацкого литературного языка (Я. Доруля, А. Габовштак, К. Габовштакова). Й. Котулич говорил о возможностях применения термина «культурный язык» для разных исторических периодов. Р. Аути обратил внимание на необходимость комплексного понимания диалектной основы литературного языка. Некоторые участники выступали по вопросам контактов словацкого и чешского языка (М. Шалингова, Шт. Пециар, В. Будовичева). В. Крижтек напомнил о важности изучения контактов неродственных языков (например, влияние немецкой колонизации на отдельных территориях). По мнению Шт. Пециара, при изучении различных ситуаций контактов следует различать контакты устные и письменные, индивидуальные и общественные. Различать контакты по их социальной роли предложил Б. Гавранек.

Проблематика стилей также вызвала споры. Мнение о том, что стиль публицистики не может быть ведущим наравне с научным (И. Ружичка), Вл. Барнет дополнил мыслью о важности установления иерархии стилей. Существуют стили, средства которых проникают в другие стили (стили экспансивные); с другой стороны, существуют стили, которые, будучи открытой системой, допускают

проникновение в свой состав инородных элементов (перцептивные стили), что делает их способными представлять литературный язык в целом.

В дискуссии также было обращено внимание на проблему вариантности как признака, присущего норме (Б. Гавранек), и на необходимость изучать норму в ее развитии (Э. Йона).

Подводя итоги заседания, А. Едличка указал, что углубление теории литературного языка требует объединенных усилий для выработки единой системы понятий и терминов, пригодной для использования в исследованиях как функционального, так и структурного подходов, а также большего внимания к социолингвистической проблематике и к общим вопросам теории коммуникации. Такое направление работы создает надежную методологическую основу для исследований в трех аспектах, которые в настоящее время отчетливо выделяются в общих рамках изучения литературных языков — общей теории литературных языков, их синхронного сопоставительного и типологического изучения и истории литературных языков.

На заседании было принято предложение считать главным научно-исследовательским заданием МКСЛЯ тему «Синхронное описание современных славянских литературных языков». Следующее заседание намечено на 1972 г. (Скопье), третье — на 1973 г. (Прага).

Вл. Барнет, Б. Руликова
(Прага)

*

С 18 по 26 августа 1971 г. в Будапеште состоялся VII Международный акустический конгресс, организованный Международной акустической комиссией и Отделением естественных наук АН ВНР. В организации конгресса принял участие также целый ряд других организаций: Госкомитет ВНР по техническому развитию, Комитет радио и телевидения ВНР, радиотехнические учреждения ВНР и т. д.

В своем официальном посвящении конгрессу президент конгресса проф. Т. Гарноди указал на то, что подготовительный комитет конгресса принял 1800 заявок для участия в работе конгресса, из числа которых было утверждено 800. В работе конгресса приняли участие представители 35 стран, общая численность которых составила 1400 человек. Судя по этим данным, VII Международный акустический конгресс является наиболее представительным по сравнению с предыдущими международными мероприятиями в области акустики.

Работа конгресса проходила в форме прослушивания и обсуждения пленар-

ных докладов, сообщений за круглым столом и секционных докладов.

В пленарном докладе Л. А. Чистович (СССР) «Процесс восприятия речевых стимулов с позиций психоакустики и нейрофизиологии» были вынесены на обсуждение данные, касающиеся модели слухового анализа речи. Данные, представленные в этом докладе, свидетельствуют о том, что характеристики частотных фильтров анализатора, полученные в результате психоакустических и нейрофизиологических измерений, являются более подходящими для моделирования частотного анализа речи, чем характеристики модели уха, основанные на измерениях Бекеши.

Пленарный доклад П. Дамаске (ФРГ) «Психологическая оценка акустических явлений» посвящен проблеме психоакустической природы направленного слухового анализа речи. В докладе дается описание некоторых последних экспериментов в области психоакустики, иллюстрирующих положение о том, что слух человека реагирует на положение фаз компонентов Фурье. В пленарном докладе Д. Фланагана (США) «Основные вопросы исследований в области речевой коммуникации» обсуждаются успехи и очередные задачи в таких областях исследований речевой коммуникации, как кодирование и передача речевого сигнала по каналам связи, синтез речи с помощью ЦВМ, производство и восприятие речи.

Следует отметить, что одной из самых представительных секций конгресса была секция речи. Из 92 утвержденных подготовительным комитетом конгресса докладов реально было представлено 70. Все доклады по тематике могут быть разбиты на следующие группы: 1) доклады, посвященные вопросу автоматического распознавания речи; 2) доклады, освещающие различные способы анализа и синтеза речи; 3) доклады, содержащие данные по восприятию речи; 4) доклады, в которых обсуждаются результаты опытов по идентификации личности говорящего на основании речевого сигнала; 5) доклады, посвященные вопросу разборчивости и распознавания речи человеком в специальных условиях; 6) доклады, содержащие сведения по кодовой технике¹.

Наиболее широко были представлены доклады, посвященные вопросам артикуляционного и акустического анализа речи, а также различным способам синтеза речевого сигнала. Так, например, в

¹ Естественно, что речь может идти в данном случае только об условном разбиении всех докладов на группы, так как в каждом из докладов переплетаются наитеснейшим образом самые различные методики, подходы к проблеме, технические стороны решения задачи и т. д.

докладе С. Киритани, О. Фудзимура и Х. Ишида (Япония) «Применение ЦВМ в целях осуществления контроля радиографических измерений при наблюдении за движениями органов артикуляции» обсуждаются некоторые эксперименты, дающие возможность проконтролировать радиографические измерения движений органов речи в процессе артикуляции с помощью ЦВМ.

Результаты электромиографического исследования ударения в японском языке изложены в докладе З. Шимада, Х. Хироэ, М. Савашима и О. Фудзимура (Япония) «Электромиография и ударение в японском языке». В данном случае исследовались определенные группы мышц гортани относительно различных моделей ударения в японских словах. В эксперименте широко применялись ЦВМ. Большой интерес вызвал доклад М. Шигенада, Х. Аризуми (Япония) «Оптимальный временной контроль артикуляционных движений», в котором изложены результаты исследования движений речевого тракта, языка и нижней челюсти при оптимальном временном контроле. Значения формантных частот снижались с синтезированным голосовым трактом.

Наряду с целым рядом сообщений по артикуляционному анализу речи были прослушаны доклады, в которых излагались результаты акустического анализа речевого сигнала. Например, в докладе Я. Задевского и В. Маевского (ПНР) «Спектр польской речи в сравнении со спектром других языков» описан эксперимент, основанный на методе измерения среднего спектра Т. Тарноцки. Доклад Ц. Хуанга, С. Хики, Т. Соэ, Т. Нимура (Япония) «Акустические признаки и восприятие четырех тонов современного разговорного китайского языка» содержит результаты акустического и аудиторского анализа тестов со словами современного разговорного китайского языка.

В числе других докладов, посвященных акустическому анализу речи, было представлено два доклада от СССР. В докладе Р. К. Потаповой (СССР) «Влияние просодических факторов на временные характеристики ударных и безударных слогов русской речи» излагались результаты исследования временной организации ударных и безударных слогов и корреляции временных модификаций с числом звуков в слове, с собственными временными характеристиками звуков слога, с позицией в фонетическом слове и т. д.

Доклад Л. П. Блохиной (СССР) «Изменения частоты основного тона внутри слога как один из просодических факторов русской речи» посвящен проблеме просодической специфики русской речи за счет изменений частоты основного то-

на в ударных и безударных слогах. В докладе обсуждаются выводы относительно тенденций, намечаемых в области внутрислоговых изменений по частоте основного тона.

Значительный интерес вызвал доклад Б. А. Ала (США) «Проблема передачи звуков по речевому тракту применительно к анализу и синтезу речи».

В связи с синтезом нельзя не упомянуть некоторых сообщений, в которых предлагались различные пути синтеза речи. Так, например, доклад Х. Фудзисаки, Х. Судо (Япония) «Синтез по правилам просодических признаков японской связной речи» содержал целый ряд интересных данных о синтезе по правилам просодических контуров японской связной речи на базе использования функциональной модели механизма работы голосовых связок, которая определяет частоту колебаний голосовых связок по набору бинарных команд.

В докладе С. Хашимото, А. Саито (Япония) «Просодические правила для синтеза речи» описан метод, при котором просодическая модель фразы генерируется с учетом некоторых моделей японского фразового ударения, соответствующего уровня интенсивности соответствующей длительности.

Доклад В. Эндреса (ФРГ) «Переходные звуки немецкого языка как связующие элементы при синтезе речи» также посвящен вопросу разработки метода синтеза речевого сигнала.

В докладе С. Хики и И. Оизуми (Япония) «Синтез речи, контролируемый нейрофизиологическими показателями» дается описание модели механизма производства речи, которая основана на анатомической структуре и физиологической природе речевых органов и тем самым на природе нейромускульных команд.

Остановимся далее на некоторых докладах, относящихся к группе сообщений по вопросам распознавания речи. В докладе Л. Л. Мясникова (СССР) «Значение сегментации шума для распознавания речи» подчеркивается, что метод сегментации шума приложен и к распознаванию речи.

О распознавании отдельных гласных шла речь в докладе Т. Тарноцки и Я. Раднаи (ВНР) «Возможность автоматического распознавания гласных».

Автоматическому распознаванию отдельных слов был посвящен доклад С. Итахаси, С. Макино и К. Кидо (Япония) «Распознавание произнесенного слова с учетом словаря и фонологических правил». В докладе К. Кидо и Х. Касуя (Япония) «Распознавание гласных с применением корректирующих правил при варьировании речевых параметров во времени» описывается схема распознавания гласных в словах.

Примером одновременного исследования двух проблем: проблемы автоматического распознавания речи и идентификации личности по речевому сигналу является доклад Х. Кубжделы и В. Иссема (ПНР) «Автоматическое выделение формантных частот в приложении к распознаванию фонем».

В связи с вопросом идентификации личности по речевому сигналу следует остановиться еще на двух докладах, в которых обсуждаются результаты исследований соответствующего характера. Так, например, результаты экспериментов, изложенных в докладе И. Сузуки и М. Накацу (Япония) «Информация о личности, содержащаяся в гласных», убеждают в том, что идентификация дикторов не зависит от формантных моделей, а зависит от формы возбуждения голосовой цепи. В докладе Х. Мацумото, С. Хяки и Т. Соно (Япония) «Акустические корреляты перцептивных признаков при распознавании дикторов по гласным» исследовалось соотношение между перцептивными показателями и такими акустическими характеристиками, как частота основного тона, формантные частоты, спектр источника и т. д.

Среди докладов по восприятию речевого сигнала следует отметить доклад В. А. Кожеевникова, Ю. И. Кузьмина, С. Ю. Жукова (СССР) «Восприятие амплитудных модуляций гласноподобных стимулов». Авторами исследовалась фонетическая интерпретация амплитудных модуляций синтезированных гласных, причем варьировались такие параметры, как скорость и сила модуляций, а также некоторые другие.

Известный интерес, с нашей точки зрения, представляет доклад К. Менона, Р. Рао и Р. Тосара (Индия) «Восприятие смычных согласных», в котором исследовалась степень коартикуляции в CVC-сочетаниях на материале английского языка и ее значение для восприятия.

В докладе Р. Нили и Д. Редди (США) «Распознавание речи в шумах» описан эффект влияния различных типов шумов на правильность и время реакции речевой распознающей системы. Результаты фундаментального комплексного исследования обсуждались в докладе Г. Ревеша, О. Рибари и И. Мартикани (ВНР) «Влияние шума на разборчивость речи и некоторые другие психофизиологические факторы».

В заключение следует указать на то, что в целом ряде докладов были подняты вопросы конкретного технического решения той или иной проблемы. Описывались и предлагались конкретные типы систем автоматического распознавания речи, ее анализа и синтеза. Во многих докладах

неоднократно подчеркивалось, что чисто техническое, инженерное решение целого ряда проблем, связанных с речью, далеко не всегда ведет к удовлетворительным результатам. Только совместные с лингвистами усилия могут привести к желаемым результатам.

Р. К. Потапова (Москва)

*

С 22 по 28 августа 1971 г. в г. Сегеде (Венгрия) проходила очередная XIV сессия РІАС (Постоянная Международная алтайстическая конференция), организованная Академией наук Венгерской Народной Республики и университетом им. Йожефа Аттилы в г. Сегеде. В работе конференции принимали участие специалисты по языкам, литературе и истории алтайских народов — тюркологи, монголисты, тунгусо-маньчжуроведы Венгрии, СССР, ГДР, Польши, Чехословакии, Болгарии, Монголии, Франции, Италии, Ирана, Турции, Норвегии, Голландии, США, Англии, Японии, Индии, ФРГ и других стран, где проводятся исследования проблем алтайстики. В конференции участвовали известные ученые Л. Лигети, Д. Синор, Б. Ринчен, Дж. Клоусон и др. Делегация Советского Союза, которую возглавлял чл.-корр. АН СССР А. Н. Коновов, состояла из 12 человек, в их числе — видные ученые, работающие в разных отраслях алтайстики, а также занятые исследованием общих проблем алтайстики.

Одной из задач отдельных сессий РІАС является обсуждение проблем генетического родства условно объединяемых под общим названием «алтайские» языков, в которые входят тюркские, монгольские и тунгусо-маньчжурские языки (иногда сюда включают корейский и японский языки).

Открывая пленарное заседание, с приветствиями к участникам конференции обратились Президент конференции вице-президент Венгерской Академии наук акад. Л. Лигети, ректор университета им. Йожефа Аттилы чл.-корр. АН ВНР Ф. Марта, вице-президент Отделения языка и литературы Венгерской АН М. Саболчи, вице-мар г. Сегед Д. Пап, Генеральный секретарь РІАС Д. Синор (США).

Доклады конференции имели различный характер. Часть из них касалась как общепалтайской проблематики, так и межпалтайских отношений, причем в большинстве своем докладчики стремились привести новые доводы в пользу гипотезы о генетическом родстве алтайских языков; часть докладов была посвящена отдельным отраслям алтайстики (тюркологии, монголистике, тунгусо-маньчжуроведению) и соответственно — от-

дельным языкам, литературе и истории; наконец, в отдельных докладах анализировались урало-алтайские связи.

В работе конференции применялись разные формы обсуждения проблем алтаистики.

Заседания в течение 23 августа были посвящены информации о той работе, которая проводится в области алтаистики в различных странах. С сообщениями выступили представители Норвегии, Англии, Голландии, ГДР, Турции, США, Японии, Франции, ФРГ, Индии, Италии и других стран. В докладе А. Н. К о н о в а был дан обобщающий анализ достижений советских ученых в исследовании общих проблем алтаистики и отдельных ее отраслей. В выступлениях ряда участников конференции достижения советских исследователей получили высокую оценку. Информационные сообщения показали, что наука стала больше уделять внимания алтаистике, происходит постоянное расширение в области алтаистических исследований.

Научные доклады были оглашены в трех секциях конференции. Основной и наиболее многочисленной из них была секция А, в которой обсуждалась главная тема конференции — «Исторические взаимоотношения алтайских языков». Доклады этой секции так или иначе затрагивали общеалтайскую проблематику. Большая часть докладов советской делегации (семь) была прочитана именно на этой секции. В ряде докладов ставились вопросы исторической фонологии алтайских языков. О. П. С у н и к (СССР), анализируя губные согласные алтайских языков, пришел к выводу об исторической общности этих языков. В. И. Ц и н ц и у с (СССР) посвятила доклад реконструкции праалтайской системы согласных. Новые наблюдения о прототюркском аэтаксизме и сигматизме приводились в докладе Т. Е к и н а (Турция), а также в докладе Р. А. М и л л е р а (США), который рассматривал этот вопрос в связи с японо-алтайскими лексическими связями.

Общеалтайским проблемам в грамматике были посвящен доклад Н. З. Г а д ж и е в о й (СССР), которая остановилась на методических вопросах, касающихся роли алтайских языков при реконструкции архетипов синтаксического строя тюркских языков. В докладе Н. А. Б а с к а к о в а (СССР) приведен сравнительный материал, призванный подтвердить генетическую общность категории лица и личной принадлежности в алтайских языках. С. Н. М у р а т о в (СССР) поделился своими наблюдениями над структурой корня в алтайских языках, которые, по мысли докладчика, свидетельствуют об их генетической общности.

В ряде докладов трактовались сложные вопросы лексического и семантического единства и расхождений в алтайских

языках. Ш. М у р о я м а (Япония), исследуя алтайские компоненты в японском, склонен рассматривать их как отражение генетического общего источника. Близкой точки зрения придерживается в своем докладе о монгольско-японских параллелях М. К о й о (Франция). Основываясь на системном изучении некоторых названий растений в алтайских языках, К. М. М у с а е в (СССР) предложил ряд методических приемов при сравнительном исследовании лексики алтайских языков. Т. А. Б е р т а г а е в (СССР) проследил общие тенденции в развитии семантических вариантов однокорневых слов в алтайских языках. В докладе Г. П. Ф и т ц е (ГДР), составившего обратный словарь «Сокровенных сказаний монголов», подчеркивалась важность подобных словарей для алтаистических исследований. А. Р о н а - Т а ш (Венгрия) в связи с алтайской теорией рассмотрел слова, выделяемые им как среднемонгольские заимствования в чувашском. Большой интерес у слушателей вызвали доклады Л. Л и г е т и (Венгрия) «Алтайская теория и лексико-статистика» (см. ВЯ, 1974, 3), Дж. К л о у с о н а (Англия) «Иноязычные элементы в раннетюркском».

Языковые связи между тюркскими и монгольскими языками исследовались в докладах Н. П. Ш а с т и н о й (СССР) «К вопросу о монгольских и тюркских этнонимах в „Секретной истории монголов“», А. Т р е т ь я к о ф ф (Франция) «Сравнение закона последовательности гласных в тюркских и монгольских языках», С. К. К е н е с б а е в а (СССР) «Казахско-монгольские лексические параллели», Е. Г о в д т о г е н а (Норвегия) «Монгольский суффикс -lig и его тюркский источник».

Специальные тюркологические вопросы освещались в докладах: Э. И. Ф а з и л о в а (СССР) «Труды восточных филологов как источник для истории тюркских языков», Э. Ш ю т ц (Венгрия) «Замечания о начальном d- в кыпчакских языках», Л. Г р ж е б и ч к а (Чехословакия) «Фонетическая структура первого слога в некоторых тюркских языках», К. Ц е г л е д и (Венгрия) «Заметки о тюркских надписях». В ряде докладов затрагивались вопросы истории и грамматического строя отдельных алтайских языков, изучения памятников этих языков: П. Ц и м э (ГДР) «Уйгурский текст о хозяйстве манихейского монастыря в Уйгурском государстве», И. М е й е р (ГДР) «О китайско-уйгурской переводной литературе», Ф. М а р т о н ф и «О некоторых проблемах китайско-корейской фонологии», М.-Л. Б е ф ф а и Р. А м а й о н (Франция) «Глагольное имя в монгольском языке», Б. Ш е р н е р (ФРГ) «Проблема арабских и персидских заимствований в татарском».

Большинство докладов секции В, об-

суждавшей вопросы истории и этнографии алтайских народов, было посвящено взаимоотношениям между алтайскими народами и их отношениям с другими народами: С. Садецкий-Кордос (Венгрия) «Об именовании восточных границ сфер влияния Аварской державы», П. Липтак (Венгрия) «Исторические связи авар по данным палеоантропологических исследований», Е. А. Новгородова (СССР) «К вопросу об этно-культурных взаимоотношениях племен монгольского Алтая», Г. Урай (Венгрия) «Масти лошади как обозначение племен», А. М. де Гроот (Голландия) «Дипломатические отношения между Голландией и Османской империей в 1600—1800 гг.», Ф. Исоно (Япония) «„Дамбийанцан“: фольклор и история». В этой же секции были прослушаны доклады, исследующие отдельные вопросы истории, этнографии, литературы отдельных алтайских народов: Т. Гёкбилгин (Турция) проанализировал содержание одного из важных документов, относящегося к истории Турции, И. Циргаутас (США) сообщила некоторые сведения об узбекских знахарках, Е. Лот-Фальк (Франция) прочитала доклад «Утунен у якутов», Д. Гонгор (МНР) — «Социальное значение этнонима „халха“», У. Раттиг (ГДР) доложил о некоторых особенностях устройства вузов в МНР.

На секции С, посвященной исследованиям по Турции, были прослушаны доклады о турецком языке: А. С. Тверитинова (СССР) «Лексический материал как источник для изучения традиции земледелия у османских турок», И. Матуз (ФРГ) «О языке документов Сулеймана Великолепного», С. Булуч (Турция) «О некоторых формах глагола в говорах турок Ирана», П. Миятев (Болгария) «О некоторых идиоматических влияниях в литературном языке турок Болгарии», Г. З. Кошай (Турция) «Древнейшие следы турецкого языка», И. Лотц (Венгрия) «Система гласных турецкого языка и фонологическая теория», Н. Йуче (Турция) «Некоторые формы герундия в турецком».

В специальном докладе Д. Синора «Тунгусо-уральские связи» сделана попытка установить общность истории уральских и алтайских народов в определенную эпоху.

В дискуссиях по докладам активное участие принимали А. Н. Кононов, В. И. Цинциус, Г. Д. Санжеев, Д. Синор, Дж. Клоусон, А. Рона-Таш и др.

Интересно проходила конференция «За круглым столом» по теоретическим и методологическим проблемам. В выступлениях А. Н. Кононова, Дж. Клоусона, Г. Д. Санжеева, Н. З. Гаджиевой, В. И. Цинциус, Э. И. Фазыловой, Б. Шернера, А. Рона-Таша, Д. Синора, О. П. Сулика, С. К. Кенесбаева и

других подчеркивалась важность дальнейших сравнительных исследований в области алтайских языков — одной из отраслей сравнительно-исторического языкознания, указывалось на необходимость применения различных методов при исследовании закономерностей, характерных процессу разветвления языков. Выступавшие отметили исключительную плодотворность ежегодных конференций PIAC, их роль в укреплении сотрудничества между учеными всего мира, несмотря на существование разных точек зрения в отношении генетической общности алтайских языков. Конференция показала, что в последнее время ученые все больше занимаются углубленным исследованием языковых материалов. Декларативные заявления, которые не всегда обосновывались фактическим материалом, уступают место серьезным конкретным исследованиям.

На специальном заседании конференции его участники почтили память скончавшихся членов PIAC — А. Зайончковского (Польша), В. М. Насилова (СССР), А. Мостарта (США, обладатель Золотой медали PIAC). Золотая медаль PIAC за 1971 г. присуждена известному тюркологу А. фон Габен (ФРГ). По предложению Генерального секретаря PIAC Д. Синора конференция приняла решение о частичном изменении «Устава Золотой медали PIAC» — отныне присуждение медали не обязательно проводить ежегодно. В комитет по присуждению Золотой медали, в который входят Генеральный секретарь и Президент очередной конференции, избраны А. фон Габен, О. Латтмор (Англия) и А. С. Тверитинова.

На заседании Венгерского востоковедного общества Л. Лигети вручил дипломы почетных членов этого общества вновь избранным ученым: Н. А. Баскакову, Дж. Клоусону, Т. Гекбилгиву, О. Латтмору, Д. Синору.

Доклады конференции будут опубликованы в очередном томе «Bibliotheca Orientalis Hungarica» Венгерской Академии наук.

Конференция алтаистов проходила в исключительно дружественной и деловой обстановке. Успешному проведению конференции способствовала большая организационная работа ее Президента Л. Лигети, секретаря Оргкомитета А. Рона-Таша, а также ученых и служащих Академии наук ВНР и университета им. Йожефа Аттилы.

Н. М. Мусаев (Москва)

22—26 ноября 1971 г. в Тбилиси состоялась совместная сессия Научного совета по проблеме «Теория совет-

ского языкознания» (Ин-т языкознания АН СССР) и Института языкознания АН ГрузССР по проблеме «Язык и речь». В работе сессии приняли участие специалисты из ведущих лингвистических центров Советского Союза. Сессию открыл акад. АН ГрузССР А. С. Чикобава (Тбилиси), в своем вступительном слове подчеркнувший важность и актуальность обсуждаемой проблемы.

С основным докладом выступила Т. С. Шарадзенидзе (Тбилиси). В докладе была рассмотрена история дихотомии «язык — речь». Отмечалось, что в той или иной форме это противопоставление наблюдалось и до Ф. де Соссюра (В. Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртене, Г. фон дер Габеленц, Ф. Финк). Однако эта дихотомия, по мнению докладчика, не дает основания для выделения двух автономных объектов (языка и речи) и, соответственно, двух самостоятельных наук (лингвистики языка и лингвистики речи), как это делал Ф. де Соссюр.

В докладе В. А. Звегинцева (Москва) отмечалось, что разграничение языка и речи представляет собой частное выражение фундаментального для лингвистики принципа двойственности объекта ее изучения. Хотя лингвистика изучает два разных явления, объект у нее один. Этим объектом является определенный вид человеческой деятельности, выполняющий в человеческом обществе определенные функции и располагающий для этого соответствующими средствами.

Член-корр. АН СССР В. А. Серебряный (Москва) посвятил свой доклад критическому анализу положений Ф. де Соссюра о языке и речи, о системе языка, о взаимоотношении общего и частного в языке.

Многие суждения Соссюра о системе языка и ее свойствах априорны, поскольку сам Соссюр не установил и не изучил системы какого-либо конкретного языка. Утверждение Соссюра о несистемности речи ошибочно, поскольку коммуникация необходимо предполагает наличие системности самой речи. Систему общественно релевантных стереотипов, состоящих из чувственно воспринимаемых элементов, можно назвать языком, но система эта неотделима от речи.

А. С. Чикобава в своем докладе дал общую оценку той роли, которую сыграло противопоставление языка и речи в современной лингвистике. По мнению докладчика, понимание языка как системы знаков, психических по своей природе, привело Ф. де Соссюра не только к психологизму, но и к положению о примате синхронии перед диахронией, являющемуся научно не оправданным. Принцип историзма необходим для лингвистики как гуманитарной науки. Говоря о модусе существования языка

А. С. Чикобава утверждает, что язык до его актуализации в речевых актах существует в памяти как потенциал. Язык доступен изучению лишь в речевых актах, а потому реальное содержание науки о языке сводится к «лингвистике речи». Язык и речь естественно различать, но не следует противопоставлять друг другу.

А. В. Бондарко (Ленинград) в докладе отметил, что в каждом конкретном исследовании многообразные аспекты соотношения языка и речи не реализуются во всей полноте. Материал и проблематика исследования накладывают специфический отпечаток на характер, направление и ход анализа членения «язык — речь».

А. Н. Савченко (Ростов-на-Дону) разграничение языка и речи считает одним из важных достижений теоретической лингвистики XX в. Признавая данное разграничение важным для решения вопроса об отношении языка к знаковым системам, он рассматривает проблему знаковости языка в свете дихотомии «язык — речь».

Доклад И. Б. Рамшвили (Тбилиси) был посвящен вопросу научного статуса понятия дихотомии. По мнению докладчика, реально существует только нерасчлененная человеческая речь как объект изучения науки, а дихотомия есть результат научного гипотезирования.

В. Д. Ившин (Калуга) не признает «язык» и «речь» взаимоисключающими понятиями. В его докладе «К вопросу о соотношении понятий языка и речи» говорилось, что они являются лишь определением двух разных сфер состояния грамматической системы. Язык и речь постоянно соотносятся друг с другом и переходят друг в друга. Далее докладчик рассмотрел единицы языка и единицы речи.

З. И. Керашева (Майкоп) подчеркнула, что разделение речевой деятельности на язык и речь является искусственным упрощением сложной реальности исследуемого объекта.

С. Г. Бережан (Кишинев) посвятил свой доклад проблеме разграничения языка и речи с точки зрения описания синонимических отношений. Докладчик приходит к заключению, что дифференцированный подход к фактам языка и фактам речи дает строгие предпосылки для изучения функциональных особенностей лексических единиц.

С. Д. Кацнельсон (Ленинград) отметил в своем докладе, что напрямую наблюдению доступна только речь. Судить о структуре языка можно только по косвенным данным, являющимся из анализа текстов. В результате лингвистического анализа текстов выделяются строевые единицы и сложные отношения меж-

ду ними, что является неременной предпосылкой теоретической реконструкции внутренней организации языка. Рассматривая вопрос о взаимоотношении структуры языка и речевых механизмов, докладчик выступает против механического перенесения особенностей внешнего построения речи в структуру языка без учета сложности преломления структуры языка в структуре речи.

И. Р. Гальперин (Москва) выдвигает положение, что наряду с отношением «язык — речь» тщательному анализу необходимо подвергнуть и тесно связанные с ним понятия «текст» и «исполнение». Он стремится определить отношения между этими четырьмя понятиями. Докладчику представляется полезным расчленить понятия «язык», «речь», «текст» и «исполнение» с точки зрения их функций.

Необходимость уточнения исходных общелингвистических основ концепции Ф. де Соссюра подчеркнул в своем докладе В. Н. Пачвандзе (Тбилиси). Он утверждал, что основные различительные признаки «языка» и «речи», выделенные Соссюром, не дают основания для разграничения и противопоставления их в качестве самостоятельных объектов лингвистики. Основная методологическая ошибка Ф. де Соссюра заключается в том, что он игнорировал основную функцию языка — «язык — орудие мышления» — и все проблемы речал, исходя из коммуникативной функции языка (этот недостаток характеризует и некоторые современные лингвистические концепции).

З. У. Блягоз (Майкоп) разграничение языка и речи рассматривает с точки зрения двуязычия. По утверждению докладчика, изучение указанной проблемы возможно и на уровне «речи», и на уровне «речевой деятельности».

Доклад В. В. Акуленко и Н. И. Сукаленко (Харьков) был посвящен нормативным закономерностям языка и речи. Норма языка, считают авторы, определяет статистико-вероятностные ограничения, накладываемые на возможности системы. Норма речи определяет характерные для данной определенной эпо-

хи объективные закономерности построения речи.

В обсуждении проблемы и представленных докладов выступил ряд участников сессии: Н. Г. Корляту (Кишинев), О. П. Суник (Ленинград), А. А. Уфимцева (Москва), И. Б. Рамшвили (Тбилиси), В. Н. Ярцева (Москва), М. Хинт (Таллин) и др.

Подводя итоги сессии, А. С. Чикобава подчеркнул два возможных подхода к теоретической проблеме: с точки зрения специалиста, имеющего дело с конкретным языковым материалом, и с позиции философа. Лингвисты связаны с тем или иным конкретным языком, приходят к проблемам общего характера через исследовательскую практику и не должны отрываться от языковой действительности. Для философа достаточно существования языка как идеи, анализ которой не требует изучения конкретных языков. Язык является объектом многих научных дисциплин. Он не является монополией лингвистики, однако следует точно определить, что именно интересует лингвистику в языке, как вычленяется ее конкретный предмет. Что же касается противопоставления языка и речи, то в этом отношении в докладе Т. С. Шарадзендзе был поставлен важный вопрос о статусе звука и фонемы в концепции Ф. де Соссюра. Звуки изучаются в фонетике, т. е. относятся к речи, фонемы входят в сферу языка. Однако в морфологии подобные пары уже не наблюдаются, хотя аналогичная дихотомия должна бы продолжаться на всех уровнях языка, в том случае, конечно, если справедливо исходное противопоставление. В заключение А. С. Чикобава отметил, что лингвистика обладает определенным «преимуществом» перед некоторыми науками (математикой, философией) в том смысле, что ее разделы — фонетика, морфология, синтаксис, семантика — эмпирические дисциплины, и точное описание их объектов дает строгие результаты.

Институт языкознания АН ГрузССР предполагает издать материалы сессии.

Д. Енукидзе, К. Лернер (Тбилиси)